

УДК 82(045)

Террористический дискурс в русской литературе начала XX века

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ИЛЬИНА-СОЛОВЬЕВА, доктор филологии, профессор кафедры «Теория лингвистики», Университет Валенсии (Испания)
E-mail: nabril@mail.ru

Аннотация. В статье освещаются проблемы террора и терроризма в русской истории начала XX века. Рассматривается отражение процесса борьбы за власть в дневниках, письмах и воспоминаниях Феликса Дзержинского. Писательский дневник – оригинальный и малоизученный жанр литературы. В дневнике мы имеем дело не с посредниками, не с «заменителями» личности автора, а с самой личностью в ее глубинах и основах. В статье личность Дзержинского представлена как образец того, как внешние обстоятельства существенно деформировали изначальную установку психологического типа и вызвали к жизни потребность метаморфозы, появление которой при нормальном протекании психологической жизни было бы проблематично.

Ключевые слова: дневниковая проза; психологический дуализм; террор и терроризм.

Terrorist Discourse in Russian Literature of the Early Twentieth Century

NATALIA A. ILYINA-SOLOVYOVA, Ph. D. (Philology), Professor Department of Theory of Linguistics, University of Valencia (Spain)
E-mail: nabril@mail.ru

Abstract. The article highlights the problems of terror and terrorism in the Russian history of the early twentieth century. It considers the reflection of the process of the struggle for power in the diaries, letters and memoirs of Felix Dzerzhinsky. A writer's diary is an original and understudied genre of literature. In the diary, we are not dealing with intermediaries, or «substitutes» of the author's personality, but with the personality in its depths and foundations. The article presents the personality of Dzerzhinsky as an example of how external circumstances significantly distorted the original aim of the psychological type and gave rise to the need for metamorphosis, whose appearance in the normal flow of psychological life would have been problematic.

Keywords: diary prose; psychological dualism, terror and terrorism.

1. Терроризм как идеология борьбы

Для России, может быть, в большей степени, чем для остального мира, начиная с 60-х годов XIX в., терроризм и террор превратились в некую глобальную проблему. В 1862 г. в прокламации «Молодая Россия» П. Г. Заичневский страстно призывал своих сторонников к террористическим актам: «Мы издадим один крик: «В топоры!» — и тогда... тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по

деревням и селам! Помни, что тогда, кто будет не с нами, тот будет против, кто будет против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами» [1, с. 203].

Члены «Молодой России», которых Тургенев называл «нигилистами», а Достоевский «бесами», утверждали, что в современном общественном строе все ложно, все нелепо — от религии, «заставляющей веровать в несуществующее, в мечту, разгоряченного воображения — бога», и до семьи, ячейки общества, и были уверены, что ни одного из оснований общества не выдерживает даже поверхностной критики.

Надо иметь в виду, что в это время еще не существовала террористическая организация «Народная воля», еще не было и революционной партии Социалистов-революционеров и их знаменитой Боевой Организации убийц, но уже были призывы к тем радикалам, воспитанным на герценовском «Колоколе», которые могли бы откликнуться и выйти с бомбами, кинжалами и пистолетами, чтобы в клочья разнести фундамент, на котором стоит государство. И такие люди нашлись: среди них, например, бывший студент казанского университета Дмитрий Каракозов и Болеслав Березовский, стрелявшие в Александра II, Сергей Нечаев, убивший студента Иванова, который отказывался идти на террор, знаменитая Вера Засулич, стрелявшая в 1878 г. в петербургского градоначальника генерала Трепова. О Нечаеве вспоминал Бакунин: «Он мало-помалу убедил себя, что для создания несокрушимой организации необходимо взять за основу политику Макиавелли и систему иезуитов: насилие для тела и ложь для души» [2, с. 158]. Что касается Веры Засулич, то Альбер Камю считал ее покушение датой рождения русского терроризма, не как вехи в эволюции террора, а как новоявленного, качественно своеобразного типа индивидуального террора. Французский философ не обратил внимание на то, что в русской среде из числа народников-разночинцев сформировался не просто носитель терроризма, а определенный тип, психологическая сущность которого заключена в высокомерном пренебрежении к человеческой жизни, своей и чужой, а убийство представляется как оправданный способ решения цели.

За выстрелом Веры Засулич последовал целый ряд убийств и покушений. Так, например, в 1978 г. в Киеве выстрелами из револьвера был ранен Котляровский, товарищ прокурора окружного суда, в марте убит жандармский полковник Кноп, в мае кинжалом убит жандармский следователь барон Гейкинг, в августе в Петербурге убит кинжалом-стилетом шеф жандармов генерал Мезенцев. В том же году член «Народной воли» Кравчинский выпускает памфлет «Смерть за смерть», в котором содержится апология терроризма. В феврале 1879 г. был убит харьковский губернатор князь Кропоткин, а в апреле 1879 г. Александр Соловьев совершает неудавшееся покушение на Александра II прямо на Дворцовой площади. И наконец, в 1881 г. Игнатий Гриневицкий бросает бомбу под ноги царю Александру II и убивает его.

С февраля 1878 г., когда в результате успешных военных действий русские войска стояли на

пороге Стамбула, в стране организуется банда террористов, готовая убивать и взрывать. Жандармское управление Одессы подает премьеру М. Т. Лорис-Меликову справку, в которой читаем следующее: «В 1878 г. появилась партия террористов. Которая для достижения противоправительственных целей избрала средством политические убийства. Эта последняя партия... не имела до июля 1879 г. строго определенной организации точно так же, как самое появление ее не было последствием ясно очерченной системы действия» [3]. Речь идет о партии «Земля и воля», которая в мае 1878 г. составляет программу, называя своей ближайшей целью осуществление народного восстания.

Позже наиболее радикальные члены этой партии, сбившиеся в партию «Народная воля», в своих листовках уверяли, что их ничто не остановит на пути терроризма. Так, например, после неудачного покушения на Александра II в царском поезде они писали: «Мы уверены, что наши агенты и вся наша партия не будут обескуражены неудачей, а почерпнут из настоящего случая только новую опытность, урок осмотрительности, а вместе с тем новую уверенность в свои силы и в возможность успешной борьбы» [4, с. 59].

Откуда эта охота на царя, который всерьез думал о конституции, отменил 19 февраля 1861 г. крепостное право, издал указ об ограничении телесных наказаний, подписал положения «О земских учреждениях», «О предоставлении печати возможных облегчений», заменил рекрутские наборы и двадцатипятилетнюю солдатскую службу на более короткий срок, провел судебные реформы, реформы начального, среднего и высшего образования, был удачлив во внешней политике: присоединил к России Амурский и Уссурийский край, Среднюю Азию, завершил покорение Кавказа, восстановил права России на Черном море, освободил Балканских христиан от османского ига?

Известный социал-демократ Плеханов, в своих воспоминаниях отвечает на этот вопрос: «Падет царь, падет и царизм. Наступит новая эра, эра свободы. Так думали очень многие» [5, с. 202]. Такая логика, по меньшей мере, кажется странной, так как никогда в истории не было случая, чтобы насильственная смерть монарха привела бы к крушению всего режима. Напротив, государство на терроризм всегда отвечает террором. Так, в 1878 г. Александр II создает в лице Охраны наиболее действенное орудие государственного террора.

Начиная с этого момента, весь конец XIX в., как в России, так и на Западе, ознаменован непрекращающейся серией убийств.

Новоиспеченные радетели за народную свободу, воспитанные на идеях о народности Хомякова и Белинского, захватив пальму первенства освободительного движения и привнеся в него свою исступленность, даже не обратили внимания на то, что их борьба против абсолютизма проходила при полном безмолвии народа. Парадоксально то, что, выбирая целью крупных государственных деятелей, террористы не считались с тем, что от взрывов и выстрелов умирают простые люди, оказавшиеся поблизости. Зато интеллигенция совсем по-другому реагировала на этих «борцов за народное счастье». Леонид Андреев, как нам известно, горячо сочувствовал террористам, отождествляя терроризм и тираноборчество.

Вот, например, воспоминания известной поэтессы Веры Лурье (1901 г. Петербург — 1998 г. Берлин): «Невероятно, но у моей матери был фотоальбом, в котором хранились фотографии известных революционеров и террористов. У нее были фото Веры Фигнер и террориста Ивана Каляева, который бросил бомбу в московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича и потом был, разумеется, казнен. Вдова Великого князя Елизавета Федоровна, сестра царицы, посетила Каляева в его тюремной камере и подарила ему крест. Потом она ушла в монахини и посвятила себя благотворительной деятельности. Русские террористы почитались как герои даже в буржуазных кругах. Некоторым они казались святыми. Вера Фигнер участвовала в подготовке покушения на Императора Александра II. Террористы шли на верную смерть, но при этом старались, чтобы при их акциях не пострадали невинные люди. Покушения никогда не совершались, если могли пострадать дети. Их целью было убийство тех, кто причинял несчастья людям, кто имел много зла на своей совести» [6]. Совсем противоположное мы можем найти в отчетах присутствующих при терактах свидетелей. Видевший покушение на царя полицмейстер Дворжицкий пишет: «Был поврежден экипаж Государя и ранены два конвойных казака, мальчик-крестьянин и мои лошади» [4, с. 64]. При другом покушении был ранен прохожий, некий Милошевич, при взрыве поезда Александр III в Борках погибло 19 человек и 40 были ранены.

Невинные жертвы не смущали террористов. Для них цель оправдывала средства.

Одной из таких кардинальных целей, например, для «Молодой России», как нам известно из ее программы, был развал Российской империи на части: «Мы требуем изменения современного деспотического правления в республиканско-федеративный союз областей, причем вся власть должна перейти в руки Национального и Областных Собраний. На сколько областей распадется земля русская, какая губерния войдет в состав какой области, — этого мы не знаем: само народонаселение должно решить этот вопрос. Мы требуем полной независимости Польши и Литвы, как областей заявивших свое нежелание оставаться соединенными с Россией... Мы требуем доставления всем областям возможности решить по большинству голосов, желают ли они войти в состав федеративной республики Русской...» [7].

Нечто сходное, но более радикальное предлагает русскому народу и программа «Земли и воли»: «В состав теперешней Российской империи входят такие местности и даже национальности, которые при первой возможности готовы отделиться, как-то, например, Малороссия, Польша, Кавказ. Следовательно, наша обязанность — содействовать разделению теперешней Российской империи на части соответственно местным желаниям» [8].

В основе достижения целей таких программ был принцип вседозволенности, который во главу угла поставил убийство как удостоверение высшего презрения живой, не только чужой, но и своей жизни. Эта эпоха покушений длилась до 1905 г., и хотя русские террористы группировались в союзы и общества, каждый террористический акт имел сугубо личностную окраску, и индивидуальны были не только переживания исполнителя, но и методы совершения актов.

Каким же конкретно был этот новый тип русского террориста? Чтобы ответить на этот вопрос, лучше всего обратиться к самим террористам, которые, как это ни странно, сами старались рассказать о себе как можно больше. Почти у всех оказалась непреодолимая тяга к художественному слову. Некоторые, как Борис Савинков, писали романы, другие, как Феликс Дзержинский, — дневники и воспоминания.

Савинков о себе писал в своем романе «Конь бледный»: «Я не верую в рай на земле, не верую в рай на небе. Я не хочу быть рабом, даже рабом свободным. Вся моя жизнь — борьба. Я не могу не бороться. Но во имя чего я борюсь — не знаю. Я так хочу. И я пью вино цельное» [9]. В конце своей

политической карьеры Савинков в недоумении пишет: «Я, Борис Савинков, бывший член Боевой организации ПСР (Партия социалистов-революционеров (эсеров).), друг и товарищ Егора Созонова и Ивана Каляева, участник убийства Плеве, великого князя Сергея Александровича, участник многих других террористических актов, человек, всю жизнь работавший только для народа, во имя его, обвиняюсь ныне рабоче-крестьянской властью в том, что шел против русских рабочих и крестьян с оружием в руках» [10].

Савинков оказался не только конструктором русского терроризма, его исследователем в духовном плане, он стал зачинателем нового жанра в русской литературе — жанра философско-психологического романа политического насилия. Этот жанр не заинтересован в насилии как в некоем факте. Его направленность на исследование терроризма как сложного психологического и политического явления. Насилие не представлено как изолированный акт, а как включение в общий процесс нарастания политического противостояния. Савинков был одним из самых информативных источников по части индивидуального террора. Он и другие русские писатели в начале XX в. выразили свою версию насилия в виде романов-автобиографий. В романе «Конь бледный» Савинков пишет: «Не убий!».. Когда-то эти слова пронзили меня копьем. Теперь... теперь они мне кажутся ложью. «Не убий», но все убивают вокруг. Льется «клюквенный сок», затопляет даже до узд конских. Человек живет и дышит убийством, бродит в кровавой тьме и в кровавой тьме умирает. Хищный зверь убьет, когда голод измучит его, человек — от усталости, от лени, от скуки. Такова жизнь. Таково первозданное, не нами созданное, не нашей волей уничтожаемое. К чему же тогда покаяние? Для того, чтобы люди, которые никогда не посмеют убить и трепещут перед собственной смертью, празднословили о заповедях завета?.. Какой кощунственный балаган!» [9].

Герой романа Жорж не понимает, почему ему говорят, что нужно любить и уважать человека, если нет ни любви, ни уважения в сердце. Он живет в мире, где правит закон насилия и ненависти. «Вот он, седой старик с бледной улыбкой на бескровных губах, — говорит Жорж о приговоренном им к смерти генерал-губернаторе. — Я ненавижу его точеный дворец, резные гербы на воротах его кучера, его охрану, его карету, его коней. Я ненавижу его золотые очки, его стальные глаза, его молитвы, его праздную жизнь, его сытых и чистых детей.

Я ненавижу его самого... Но что моя жизнь без террора? Что моя жизнь без борьбы, без радостного сознания, что мирские законы не для меня?» [9].

Здесь заключается основная ошибка террориста. Жорж считает, что законы не для него, но на самом деле он как раз и следует тем законам ненависти и насилия, которые закреплены в этом обществе. Нельзя убить, чтобы не убивали, и из насилия вывести любовь.

В духовной сфере каждого террориста царит смятение, так как все положения построены на ложных основаниях. Террорист даже не хочет себе признаться, что он, на самом деле, — обыкновенный убийца. Поэтому многие из них пытаются сами для себя конкретизировать и романтизировать свой собственный образ, который, как правило, расплывается. Годы спустя Сомерсет Моэм, знаменитый писатель и тайный сотрудник британской разведки, в разговоре с Савинковым заметил, что террористический акт, должно быть, требует особого мужества, на что Савинков возразил, что это такое же дело, как всякое другое. К нему тоже привыкаешь. Напускная бравада человека, носившего маску — сухое каменное лицо, презрительный взгляд безжалостных глаз.

В повести «То чего не было» Савинков пишет: «Болотов видел в терроре жертву и не задумывался над тем, что террор, кроме того, еще и убийство... Когда взрывалась удачная бомба, он был счастлив: был убит еще один враг. Он не понимал, что чувствует человек, когда идет убивать, и простодушно радовался тому, что в партии много людей, готовых умереть и убить» [10]. Эти слова подтверждают мысль, что в бездуховном мире, по мнению террористов, на убийстве лежит средство, восстанавливающее попорченную справедливость и карающую функцию. Террорист становится вершителем правосудия и исполнителем приговоров.

В России, как нам известно, были представители «белого террора» и «красного террора». Однако суть действий и тех и других одна: устрашение противника путем физического насилия, вплоть до уничтожения. Из некоторых «белых террористов» иногда выходили самые жестокие «красные террористы».

2. Феликс Дзержинский — между «белым» и «красным» террором

Известно, что к основным психологическим характеристикам террористов прежде всего относится постоянная готовность к самопожертвованию.

Отметим, что готовность к собственной смерти всегда считалась крайне важным достоинством в среде террористов любых стран, народов и вероисповеданий. Террорист счастлив возможности отдать свою жизнь и унести с собой на тот свет как можно большее число врагов. Для этого необходимо психологически преодолеть собственный страх смерти. Именно это происходит под влиянием тех или иных причин — психологических факторов, обладающих огромной суггестивной силой. Такими факторами могут быть некоторые идеи (например, религиозный фанатизм), сильные чувства (ненависть к врагу), эмоциональные состояния (так называемый кураж). Многие факторы возникают еще в раннем детстве. Чтобы понять психологию террориста начала двадцатого века, в качестве примера для нашего исследования мы выбрали Феликса Эдмундовича Дзержинского. Он, как и многие террористы тех времен, занимался литературным творчеством: писал воспоминания, дневники, письма.

Прежде всего, несколько фактов из биографии Дзержинского, которые могут объяснить его необыкновенную тягу к писательству. Феликс родился в 1877 г. в родовом имении «Держиново» Ошмянского уезда, Виленской губернии в большой и небогатой семье. В детстве он отличался необузданной вспыльчивостью, капризами, бурным темпераментом. Физически он был женственен и хрупок, очень походил на свою мать Елену Янушевскую, которая проводила с ним много времени, внушая ему идею Бога. Уже в детстве в нем зародился фанатизм — сначала религиозный, а в более зрелом возрасте — революционный. О Боге, по словам его брата, он говорил так: «Бог — в сердце. Да, в сердце!, а если я когда-нибудь пришел бы к выводу что Бога нет, то пустил бы себе пулю в лоб! Без Бога я жить не могу...» [11]. Показательно, что этот максимализм юный Дзержинский распространял на своих окружающих: молясь сам, заставлял испуленно молиться всех своих сестер и братьев. Это религиозное насилие испугало его мать и близкого семье ксендза, которые, видя в нем фанатика насилия, всеми силами отговаривали мальчика от карьеры католического священника, к которой тот стремился.

В 16 лет мировоззрение юного Феликса резко меняется. Об этом он пишет в своем дневнике: «Я вдруг понял, что Бога нет!» и дальше «Я целый год носился с тем, что Бога нет, и все это горячо доказывал!» [12]. В этих словах — «горячо

доказывал» — весь Дзержинский, который всю свою жизнь посвятил агитации, подчинению всех и разрушению всего, что не соответствовало его убеждениям. Этот резкий скачок от религиозности к атеизму произошел под влиянием брошюры «Эрфуртская программа», которую он прочел в кружке гимназистов Альфонса Моравского и которая стала его новой Библией.

Отказавшись от католических святых, Дзержинский уверовал в Каутского и Бернштайна, которые давали простой рецепт создания рая на земле. Он, по его воспоминаниям, тут же принял страстно проповедовать свои новые революционные взгляды, основанные на атеизме и марксизме, так, например, в гостях у дяди в имении «Мейшгалы» пытался разбудить «классовое сознание» прислуги. Позже в письме к сестре Альдоне он пишет: «... мне всегда приходит в голову мысль: почему пока только я один из нашей семьи вступил на этот путь? Как хорошо было бы, чтобы все! О, ничто не мешало бы нам жить, как братья, даже больше и ближе, чем братья» [12]. «В нем чувствовался фанатик, — вспоминает его сверстник-марксист, — настоящий фанатик революции. Когда его чем-нибудь задевали, вызывали его гнев или возбуждение, его глаза загорались стальным блеском, раздувались ноздри, и чувствовалось, что это настоящий львенок, из которого вырастет большой лев революции» [13].

Агитация требовала от Дзержинского четкой формулировки мысли, добиться которой ему помогала письменная тренировка в дневниках и письмах, кроме того именно так, описывая свою жизнь и чаяния, он стал создавать свой новый образ непреклонного и в то же время поэтически-чувствительного революционера, рыцаря, спасающего красоту мира. Один из его друзей вспоминал, что в юности Дзержинский напоминал им «какого-то героя из романов Сенкевича». В своих дневниках он часто заменял правду, которая не вписывалась в его концепцию, на красивую выдумку. Так, например, в 17 лет ему из-за неуспеваемости пришлось выйти из гимназии. В своем дневнике он объяснил, что, негодуя на преподавателя, который запрещал гимназистам говорить на родном польском языке, он восстал, оскорбил учителей, и полный собственного достоинства, навсегда покинул школьную парту: «Из гимназии выхожу сам добровольно в 1896 г., считая, что за верой должны следовать дела и надо быть ближе к массе, не ограничиваясь кружками» [14]. Он действительно

вышел из гимназии, но причиной тому были плачевные отметки. В частности, по русскому языку у него было неудовлетворительно, и в дальнейшем, несмотря на долгие годы в русской тюрьме и на общение с русскими товарищами, он так и не научился правильно говорить по-русски. В своей книге «Начало террора» Роман Гуль пишет о заседании совнаркома в Смольном 20 декабря 1917 г. (Дзержинскому исполнилось 40 лет): «Феликс Дзержинский говорил о терроре, о путях спасения заговорщицкой революции. В его изможденном лице, лихорадочно-блестящих глазах, заостренных чертах чувствовался фанатик. Он говорил трудно, неправильным русским языком с сильным польским акцентом и неверными ударениями. Говорил, волнуясь, торопясь, словно не сумеет, не успеет сказать всего, что надо» [13].

Гуль приводит слова Дзержинского, которые нам показывают, сколь было искажено сознание этого нового яacobинца, облившего кровью всю Россию: «Революции, — почти кричал Дзержинский, — всегда сопровождаются смертями, это дело самое обыкновенное! И мы должны применить сейчас все меры террора, отдать ему все силы! Не думайте, что я ищущу форм революционной юстиции, юстиция нам не к лицу! У нас не должно быть долгих разговоров! Сейчас борьба грудь с грудью. Не на жизнь, а на смерть, — чья возьмет?! И я требую одного — организации революционной расправы!» [13, с. 48]. Это далеко не единственное доказательство, что ораторское искусство, несмотря на жажду проповедовать, не было сильной стороной Феликса, поэтому он предпочитал письменную форму выражения, причем на родном польском языке. Честолюбивый и мнительный, он страшно раздражался, когда не мог выразить свои мысли на русском языке и особенно в диалогах.

Так, например, на пятом году революции, когда ставился вопрос о том, за кем пойдут войска ГПУ, за Троцким или за Сталиным, и троцкист Преображенский продуманной речью стал склонять сочувствие собрания в сторону Троцкого, Дзержинский своей сбивчивой речью невольно изменил настроение собрания. Гуль пишет: «Тогда и выступил Дзержинский. Он волновался необычайно, речь была бессвязна. Дзержинский умолял своих чекистов не идти за Троцким и вдруг среди речи, совершенно не владея собой, повернувшись к Преображенскому, он истерически закричал: «Я вас ненавижу, товарищ Преображенский...!» и снова: «Я вас ненавижу, товарищ Преображенский!»

С Дзержинским начался припадок. Зато битва Сталина выиграна. Видя такое волнение шефа, чекисты покачнулись, и резолюция ЦК получила большинство» [13, с. 48]. Такая же картина повторилась и перед смертью Дзержинского, когда он, 20 июня 1926 г., захлебываясь и запинаясь, огрызаясь угрозами и ругательствами на наседавших не него Пятакова и Каменева, кричал в исступлении: «А вы знаете отлично, моя сила заключается в чем! Я не щаю себя никогда! И поэтому вы все здесь меня любите, потому что вы мне верите» [13, с. 49]. Как не похоже такое поведение на то, чему учил Дзержинский своих сотрудников: работа в ЧК требует железной воли, крепких нервов, ясной головы.

В своих дневниковых записях Дзержинский хочет отобразить глубинные основы своего характера, его главные душевные струны. В каждой записи старается углубить свой собственный образ, чтобы представить перед читателем законченный психологический портрет. Он не скуп на детали и нюансы, однако при чтении в сознании читателя возникает некая двойственность.

С одной стороны, очевидно желание автора заручиться любовью окружающих (и он делает все ради идейного увода душ и пленения умов). Отсюда в письмах и дневниках постоянно подчеркивается значимость чувств, в частности, любви, которая, по мнению автора, может сотворить чудо («Чье же, однако золото прокормит столько? Такое чудо может совершить лишь сердце, охватывающее миллионы своей любовью») В другом письме 1901 г. читаем: «Я хотел бы обнять своей любовью все человечество. Согреть его и очистить от грязи современной жизни» [12]. К счастью, эта любовь не обняла все человечество, а только многострадальную Россию. Описывая свои чувства, Дзержинский намечает план действия: «Я всей душой стремлюсь к тому, чтобы не было на свете несправедливости, преступления, пьянства, разврата, излишеств, чрезмерной роскоши, публичных домов, в которых люди продают свое тело или душу или и то и другое вместе; чтобы не было угнетения, братоубийственных войн, национальной вражды» [12] ... уверяет, что страдания рабочих находят в нем отклик и он, отбросив все, готов бороться вместе с ними за их освобождение.

А с другой стороны, он хочет выглядеть суровым борцом, неподверженным эмоциям. Так, в письме к сестре он декларирует: «Что же касается чувства, то могу сказать тебе: жизнь наша такова, что требует, чтобы мы преодолевали наши чувства

и подчиняли их холодному рассудку. Жизнь не допускает сантиментов, и горе тому, кто не в силах побороть свои чувства»

Действительно, в течение жизни Дзержинский успешно поборол свое сентиментальное отношение к рабочим, которых уже после революции он подверг массовым расстрелам. Радек говорил, что Дзержинский никогда не идеализировал рабочий класс, хотя в дневниках, нападая на интеллигенцию, сентиментально уверял, что ему по-настоящему хорошо только с детьми и рабочими. Но рабочие по-своему относились к пламенному агитатору. Так, например, в кабаке возле Стефановского рынка будущего главу ВЧК рабочие били бутылками. В другой раз рабочие с завода Гольдштейна, поймав пропагандиста, охваченного фанатической идеей, на темной улице, избили его еще серьезнее с нанесением ножевых ран в висок и голову. Дзержинский сам жаловался в дневнике на то, что во время его агитационной работы в Ковно, его за 10 рублей выдал жандармам какой-то рабочий-подросток.

Дневники Дзержинского изобилуют словами «борюсь», «борьба», «борцы», «борясь». Посылая письма сестре, он с пафосом пишет: «Правда, мало кто завидует нашей участи, но мы, видя светлое будущее нашего дела, видя и сознавая его мощь, сознавая, что жизнь избрала нас борцами, мы, борясь за это лучшее будущее, никогда, никогда не сменили бы своего положения на мещанское прозябание... Дело наше родилось недавно, но развитие его будет беспредельным, оно бессмертно» [12]. И ниже: «пока я не изношусь в борьбе, то есть пределом моей борьбы может быть лишь могила». Зачем Дзержинский пишет сестре эти пафосные строки, которая совершенно не разделяла его революционного настроения? Ответ может быть двояким: или же он пытался оправдать свое странное существование брата-неудачника, который почти десять лет кочевал из одной тюрьмы в другую, а оттуда на поселение, завися от денежных посылок родных и соратников, или же хотел оставить для потомков образ нового Данко (возможно, что он в тюрьме прочитал Старуху Изергиль Горького, написанную в 1894 г.), осветившего сердцем темный быт угнетенного рабочего класса. В октябре 1901 г. этот образ Данко окончательно оформился в его сознании. Он пишет сестре: «Но силы духа у меня хватит еще на тысячу лет, а то и больше... Я и теперь в тюрьме вижу, как горит неугасимое пламя: это пламя — мое сердце и сердца всех мои

товарищей, терпящих здесь муки». Образ любви-огня повсеместно встречается в его письмах и дневнике. Например, он пишет: «осталась только эта любовь, огонь, который горит в моей груди и направляет мои мысли на запад и на юг» [12]. В своих видениях совсем молодой Феликс выступает в облике мудрого старца-борца за народное счастье: «Ты хочешь знать, как я выгляжу, — пишет он сестре. — Постараюсь описать тебе как можно точнее: я так возмужал, что многие дают мне 26 лет, хотя у меня еще нет ни усов ни бороды: выражение моего лица теперь обычно довольно угрюмое и проясняется лишь во время разговора, но когда я увлекаюсь и начинаю слишком горячо отстаивать свои взгляды, то выражение моих глаз становится таким страшным для моих противников, что некоторые не могут смотреть мне в лицо: черты моего лица огрубели, так что теперь я скорее похож на рабочего, нежели на недавнего гимназиста, вообще я подурнел, на лбу у меня уже три глубокие морщины, хожу я, как и раньше, согнувшись, губы часто крепко сжаты, и к тому же я сильно изнервничался...» [12].

Ненависть к тюремщикам он подогревает этим надуманным образом старца, который «за свою короткую жизнь впитал столько различных впечатлений, что любой старик мог бы этим похвастаться». В 1901 г. пишет сестре: «Я выпил из чаши жизни не только всю горечь, но и всю сладость, и если кто-либо мне скажет: посмотри на свои морщины на лбу, на свой истощенный организм, на свою теперешнюю жизнь, посмотри и пойми, что жизнь тебя изломала, то я ему отвечу: не жизнь меня, а я жизнь поломал, не она взяла все из меня, а я брал все от нее полной грудью и душой» [12].

Хотя, если взять в руки фотографии Дзержинского, сделанные в Седлецкой тюрьмы, где ему 24 года, то можно увидеть совсем юного молодого человека, который своим обликом подтверждает, насколько литературный образ расходится с реальным.

В тюремном одиночестве Дзержинский фантазирует о себе, о будущей мести своим тюремщикам и всем тем, кто не разделяет его убеждения: «... когда буду на воле... тогда они заплатят за все... тогда померимся силами» [12].

Сам себе он кажется умным, ловким, решительным. Гордится своими побегами из поселений. Хотя, когда читаешь его Дневник заключенного, то удивляешься той беспечности, с которой

царизм относился к изоляции политзаключенных. Вот, например, как Дзержинский описывает свой первый побег: «... полночь пробила на церковной колокольне. Двое ссыльных потушили огонь в своей избе и тайком, чтобы не разбудить хозяев, выбрались через окно во двор... беглецы нашли лодку и тихонько сели в нее. Они были полны решимости и уверенности, что уйдут...», «... посматривали в сторону огней и смеялись в душе над тем, что никто там не знает, что их нужно ловить» [12]. Все весьма просто, никакой охраны. Но в воспаленном мозгу Дзержинского этот незамысловатый побег представляется чуть ли не героическим подвигом. О себе и своем товарище он пишет, что они чувствуют себя по-настоящему свободными, ибо сбросили оковы и не сидят добровольно на месте ссылки только потому, что царь им повелел там сидеть. Из биографии Дзержинского мы знаем, что его пребывание на воле было весьма непродолжительным. После побегов он постоянно попадал обратно в тюрьму. Хитрым и ловким он был только на страницах своих дневников и писем.

О самой тюрьме, в которой томился Дзержинский, мы можем узнать следующее из его письма: «Камера большая — 5 на 7 шагов (приблизительно 17 метров), большое окно с граненым стеклом, пища приличная, немного молока подкупаю сам. Прогулка 15 минут. Библиотека. Покупка два раза в неделю. Письма — полпочтового листка в неделю. Ванна раз в месяц. Сижку пока один» [15]. В десятом павильоне Варшавской цитадели Дзержинский наслаждается созерцанием роз: «Передо мной розы. Одна, розовая, почти совсем уже увяла, но зато две бело-желтые, с зеленоватым оттенком и пунцовая еще свежи, прелестны, ласкают мой глаз, я люблюсь ими, они доставляют мне большую радость» [12]. Как эта тюрьма не похожа на те, которые были впоследствии организованы им для врагов революции. Собственный образ в его записках не раз двоятся. Иногда, как мы говорили, он видит себя, пожилым человеком, которого «смертельно утомила эта жизнь», и которому «... нужно было бы устраниться на некоторое время от этой культурной жизни куда-нибудь в пущу, в степь, в наши леса и деревенское затишье...» В другие моменты он видит себя сильным и молодым и уверяет, что «... хотел бы познать красоту в природе, в людях. В их творениях, восхищаться ими, совершенствоваться самому, потому что красота и добро — это две родные сестры. Аскетизм, который выпал на мою долю, так мне чужд» [12].

Подобные колебания объясняются тем, что Дзержинский постоянно находится в состоянии эмоциональных переживаний. На воле он живет, опасаясь попасть в руки противников, которых он ненавидит и презирает. В тюрьме он наблюдает за своими товарищами, которые «с душевной печалью прибегали к кровавым средствам», слышит их стоны и крики. Естественно, что такие противоречивые чувства часто сталкиваются между собой, приводя к внутренним конфликтам, которые предопределяют тяжелое состояние хронического эмоционального стресса. Для такого стресса характерны эмоциональная лабильность, легкость почти мгновенного перехода от одного эмоционального состояния к прямо противоположному.

Представляя из-за решетки больше не настоящее, а будущее и прошедшее, он рисует себе осязаемые образы. Отсюда на страницах такое большое количество глаголов «видеть», «слышать» и «чувствовать» «Перед моими глазами проходили различные образы прошлого и еще более яркие картины будущего, а в себе я чувствовал ужасную пустоту, которая все возрастала... Я почти ни с кем не мог хладнокровно разговаривать...» [12]. Или другая цитата из письма 1901 г.: «Я вижу его (цветка) богатые краски, ощущаю его роскошное благоухание, охватывающее все мое существо, я чувствую уже исходящее от него тепло и вижу его сияющий блеск и бриллиантовую игру лучей. И когда я всматриваюсь в этот цветок, то чувствую — чувствую всей душой, а не только понимаю разумом, — что это богатство красок, это все оживляющее благоухание, это тепло, и свет, и сияние, — все это — дети слез, страданий, печали и мук» [12].

В своем заточении Дзержинский ударяется в крайний сентиментализм, многократно описывает природу, небо, деревья: «Я слежу за небом. Иногда оно бывает совершенно ясное темно-голубое с востока, более светлое с запада. Иногда серое, однообразное и печальное: иногда мчатся тучи фантастическими клочьями — то блестящие как серебро, то серые, то темные, то легкие, то опять тяжелые страшные чудовища...» [12]. В своих письменных упражнениях железный Феликс проявляет большую склонность к патетике. Например, он пишет: «я пересылаю вам в письмах свое сердце, чувствуете ли вы, как оно бьется?» или «... им не удалось вырвать из моей души ни мысли о нашем крае, ни дела, за которое я борюсь, ни веры в его торжество; этой верой и тоской я живу и здесь, мысли бегут к братьям моим» [12].

Одной из его постоянных тем переписки и дневником становится тема семьи. На реплику сестры «вы не признаете семьи, чувство ваше сильнее ко всем вообще, нежели к отдельным людям, составляющим семьи», он отвечает целой филиппикой, в которой выступает борцом за крепкие семьи, заботящиеся о своем потомстве. О детях рабочих семей он пишет: «питаются они плохо, надзора за ними нет, а как только подрастут, они нередко должны взяться за работу раньше, чем за букварь, чтобы прокормить самих себя. Скажи, что может дать им семья?» Не знаю, — пишет он ниже, — почему я люблю детей так, как никого другого... В особенно тяжкие минуты я мечтаю о том, что я взял какого-либо ребенка, подкидыша, и ношусь с ним, и нам хорошо. Я живу для него, ощущаю его около себя, он любит меня той детской любовью, в которой нет фальши, я ощущаю тепло этой любви, и мне страшно хочется иметь его около себя... Часто-часто мне кажется, что даже мать не любит детей так горячо как я» [12]. Не надо забывать, что пишет это человек, который стал основным фактором создания армии беспризорных детей, родителей которых он одним росчерком пера отправлял на расстрел.

В своих письмах автор охотно дает сестре пафосные советы по воспитанию ее собственного сына: «... скажи Рудольфику, что благодаря нам его ждет лучшая судьба, что он сможет свободнее дышать, если захочет приложить силы к тому, чтобы одни не угнетали других и не жили за их счет, чтобы свергнуть золотого тельца, чтобы уничтожить продажность совести и ту темноту, в которую погружено человечество...» [12]. Рудольфик без всякой альтернативы должен был идти по пути своего дяди, а если нет, то тогда в ход идут угрозы: «Если все это не найдет отклика в его душе, если он будет жить исключительно для себя и заботиться только о своем собственном благополучии, то горе ему».

Говоря о детях, Дзержинский умиляется и начинает употреблять уменьшительные суффиксы: детки, ребятишки, овечка, Рудольфик, Ясик, ручки, гнездышко, глазки, сердечки и т. д. Заступается за детей, говоря о том, что нельзя к ним применять насилие: «Розга учит лицемерию и страху, чрезмерная строгость и телесные наказания никогда не могут желательным образом затронуть сердце и совесть ребенка, ибо для детских умов они всегда останутся насилием со стороны более сильного и привьют либо упрямство, даже тогда, когда

ребенок осознает, что он поступил плохо, либо убийственную трусость и фальшь...» [12]. Он, который со временем превращается во «всероссийскую розгу», учит сестру: «если из-за раздражения ты накажешь их, крикнешь на них, ударишь, то непременно извинись потом перед ними, приласкай их, покажи им сейчас же, дай почувствовать их сердечкам твою материнскую любовь к ним, согрей их, дай им сама утешение в их боли и стыде, чтобы стереть все следы твоего раздражения, убийственного для них» [12].

Склонный к дидактике Дзержинский имел прекрасную способность проверить свои методы на собственном сыне. Однако мы знаем, что Ян Дзержинский родился в тюрьме, потом находился в приюте, так как некому было за ним присмотреть и впервые увидел отца в восьмилетнем возрасте. О результатах воспитания можно судить по воспоминаниям Анатолия Рыбакова, лично знавшего сына Дзержинского: «В коридоре стояли стеллажи с открытыми ящиками, мы их называли «клетки». Каждый ученик имел свою клетку, где оставлял сумку, книги, тетради, забирая только нужное для очередного занятия. В одну клетку подбросил письмо ученик восьмого класса Ян Дзержинский, сын знаменитого чекиста, внешне, однако, не похожий на своего сурового отца: невысокий, полноватый, неуклюжий мальчик в очках, застенчивый, даже робкий, «тюфячок». «Кремлевских» мы не слишком охотно принимали в комсомол, нам казалось, что бытовое благополучие придает им некую буржуазность. В конце концов, конечно, принимали. И Яна Дзержинского приняли. Его письмо было озаглавлено так: «Всем, кто захочет читать». Ян писал, что его отец был великий человек, а он, Ян, чувствует свою неспособность приносить пользу обществу, свою ненужность: письмо подростка, трудно переносимого переходный возраст» [12, с. 98]. В Яне Дзержинском очевидно выработался комплекс неполноценности, его сломала непреклонность и агрессивность авторитарного отца, которого, по его словам «никакие препятствия никогда не останавливали» и который всегда и всем навязывал свое мнение, не церемонясь со средствами.

Логика Дзержинского, как и логика многих других террористов, трудно поддается однозначной научной интерпретации. Во-первых, она слишком эмоциональна: подчас эмоции в ней занимают большее место, чем логика как таковая. Во-вторых, эта логика, искаженная с точки зрения чисто

формального анализа: из тех или иных посылок не всегда следуют адекватные выводы. В-третьих, это явно моноидеическая логика: в ней все подчинено террору, и любой вопрос, рано или поздно, приходит именно к нему. Как правило, логика террориста — это логика верующего человека. Он верит в идею, которой служит, верит в саму идею служения, верит, наконец, в свою высочайшую миссию. И здесь ему не нужны рациональные доказательства. Об искаженной логике террористов говорит еще один интересный факт. Они практически не могут вести диалог: способны либо выслушать только того, кого они считают для себя авторитетным, либо, напротив, способны на произнесение длительных собственных монологов. Это свидетельствует об авторитарности и вместе с тем ригидности мышления.

Все это весьма характерно для дневников-монологов Дзержинского, который после революции быстро отбросил все рассуждения о любви, душевности, сердечности и подобрал себе далеко не сентиментальных помощников, чтобы подтвердить фанатичное убеждение в своих идеях. Новой целью стало формирование в общественном сознании образа врага-контрреволюционера, меньшевика, шпиона, вредителя, кулака и т. д., которого следует уничтожить и оценить это деяние как подвиг во имя освобождения своего народа. Дзержинскому, в силу его характера, необходимо действовать. Бездействие приводит его в крайне агрессивное состояние. Так, например, он пишет из тюрьмы: «Бесмысленность моей теперешней жизни — полное бессилие моих дум и чувств и ненужность — прямо душит меня. Нечем здесь забыться. Варишься в собственному соку и порой кажется от этого вечного напряжения, что становишься неспособным мыслить, чувствовать и работать; ненавидишь самого себя, и злоба кипит в душе» [16].

Вырвавшись на волю и став председателем ВЧК, он осознает, что совершает террористический акт, убивает людей и уничтожает имущество, но он желает возникновения таких последствий. Таким образом, он идет на преступление с прямым умыслом, с убеждением в своей правоте. Дзержинский воплощает образ террориста-патриота, который до исступления предан своим идеям, крайне подозрителен, хладнокровен, уверен в своих силах, находится в постоянной готовности к совершению теракта. К окружающим относится подозрительно, при случайном контакте

с людьми вспыльчив, агрессивен. Отмечается также высокомерное и пренебрежительное отношение к окружающим. Если противоречить такому террористу, можно заметить возрастание состояния эмоциональной напряженности и враждебности, о чем могут свидетельствовать угрюмый и угрожающий взгляд, плотно сжатые губы, скрип зубами, суженные зрачки глаз, учащенное дыхание, сжатые в кулак руки.

Читая воспоминания Дзержинского, мы легко обнаруживаем эти эмоциональные агрессивные всплески, которые впоследствии приведут к стольким жертвам красного террора. Например, он описывает свое состояние во время разговора в тюрьме с неким полковником: «Сегодня опять был у меня полковник. Когда я его видел, я весь задрожал, словно почувствовал противное, скользкое прикосновение змеи к своему телу. Он пришел с тем, чтобы любезно сообщить, что мое дело передано в военный суд и что обвинительный акт уже послан мне... во время этого непродолжительного разговора я чувствовал, что по мне как бы ползет змея, опоясывает меня и ищет, за что зацепиться, чтобы овладеть мной... я почувствовал на себе грязь, человеческую грязь... Зло, словно раскаленными железными клещами, рвет и жжет живое тело живого человека и ослепляет его. Оно застилает весь мир, чтобы каждую частичку, каждое дыхание, каждый атом наполнить болью — ужасной болью» [12]. Такое описание может показаться тревожным симптомом наступающей зоопсии, когда зрительные галлюцинации проявляются появлением образов, которые существуют только в сознании психически нездорового человека.

После революции образ врага вызовет в нем не менее сильные чувства, поэтому Дзержинский так добивался права казни без суда и следствия и подбирал себе соответствующих помощников-палачей. Таких, например, как двадцатилетняя женщина-палач Дора Евлинская, которая собственноручно в одесской ЧК казнила 400 белых офицеров. Или другой соратник — Петр Иванович Магго, на личном счету которого десять тысяч убитых людей.

Читаем свидетельство от 29 июня 1919 г. расстрелов в Екатеринодаре: «На двух улицах и в подвалах некоторых домов были вырыты коридоры, к концу которых ставили расстреливаемых и, когда они падали, их присыпали землей. [...] На другой день на том же месте расстреливали следующих, затем опять присыпали землей и так до верху.

Потом начинался следующий ряд этого же коридора. [...] В одном из таких коридоров лежало до 2 000 расстрелянных. Некоторые женщины расстреляны только потому, что не принимали ухаживаний комиссаров. В подвалах находили распятых на полу людей и привинченных к полу винтами. У многих женщин была снята кожа на руках и ногах в виде перчаток и чулок и вся кожа спереди» [17].

Все эти зверства проходили под лозунгом «чистые руки». Заместитель Дзержинского по ВЧК Петерс относительно расстрелов в одной из бесед говорил: «то я должен сказать, что вопреки распространённому мнению, я вовсе не так кровожаден, как думают. Напротив, если хотите знать, я первый поднял вопль против красного террора в том виде, как он проявился в Петербурге. К этому, я бы сказал, истерическому, террору, прикосновенны больше всего те мягкотелые революционеры, которые были выведены из равновесия и стали чересчур усердствовать» [18].

По всей видимости, Ленин и Дзержинский как раз и относились к этим «мягкотелым революционерам», что видно из письма Дзержинского от 19 декабря 1919 г. и ответа Ленина: «В Ростове захвачены в плен 300 000 казаков войска Донского. В районе Новочеркаска удерживается в плену более 200 000 казаков войска Донского и Кубанского. В городе Шахты, удерживается более 500 000 казаков. За последнее время сдались в плен около миллиона казаков. Прошу санкции. Председатель ВЧК Дзержинский». На что получает резолюцию Ленина: «Расстрелять всех до одного» [19].

Красный террор, развязанный Дзержинским и его ведомством, распространялся не только на офицеров и гнилую интеллигенцию, которую он так не любил и о которой писал: «в настоящее время интеллигентская среда убийственна для души. Она влечет и опьяняет, как водка, своим мнимым блеском, мишурой, поэзией формы, слов, своим личным чувством какого-то превосходства... *Под террор попали и выходцы из среды бывших угнетенных, которые вместе с Дзержинским делали эту революцию и о которых он восторженно писал:* «находки Германа Назарова сила, наша идея, без лицемерия, без противоречий между словом и делом» [12].

И для тех и для других он выбирает право расстрела. «Право расстрела для ЧК чрезвычайно важно», — настаивал Дзержинский, создавая беспощадную и кровавую систему подавления политических противников. Еще ребенком он, по

его же свидетельству, мечтал о шапке-невидимке, которая позволила бы ему безнаказанно перебить всех «москалей». Мечта его сбылась: ВЧК стала для него такой шапкой. Несмотря на его уверения в том, что он является атеистом, интернационалистом, честным и неподкупным солдатом революции, он миловал польских ксендзов, но расстреливал русских священников (с 1917 по 1930 г. было убито 89 православных священников), отнимал нажитое добро у всех кого можно, но пересылал своей сестре фамильные ценности из Дзержинова. В своем дневнике, где он рассуждает о своей возлюбленной Маргарите Николовой, Дзержинский пишет. «Как это М. может со мной дружить? Разве я такой ловкий актер? Мне кажется, что рано или поздно мы не то что поссоримся, а она, узнав меня, прямо прогонит меня. Так должно случиться. А теперь для нас полезно не рвать своих товарищеских отношений». Наверное, он все-таки не был очень ловким актером, потому что его неприкрытый цинизм испугал даже его облитых кровью соратников.

После революции его новой маской становится образ солдата. Он не вылезает из солдатской шинели, хотя никогда не был на фронте. В августе 1918 г. он пишет жене: «Мы — солдаты на боевом посту. И я живу тем, что стоит передо мной, ибо это требует сугубого внимания и бдительности, чтобы одержать победу. Моя воля — победить, и, несмотря на то, что весьма редко можно видеть улыбку на моем лице, я уверен в победе той мысли и движения, в котором я живу и работаю. А здесь танец жизни и смерти — момент поистине кровавой борьбы, титанических усилий» [12]. В письмах он называет себя вечным скитальцем, солдатом революции, пущенным из пращи камнем: «Я захожусь в самом огне борьбы. Жизнь солдата, у которого нет отдыха, ибо нужно спасать наш дом. Некогда думать о своих и себе. Работа и борьба адская. Но сердце мое в этой борьбе осталось живым, тем же самым, каким было и раньше. Все мое время — это одно непрерывное действие... Мысль моя заставляет меня быть беспощадным и во мне твердая воля идти за мыслью до конца... Гражданская война должна разгореться до небывалых размеров. Я выдвинут на пост передовой линии огня, и моя воля — бороться и смотреть открытыми глазами на всю опасность грозного положения и самому быть беспощадным» [12].

Если вначале в дневниках Дзержинского, написанных в условиях связанных с лишением свободы,

их функцию можно назвать «заместительной», то есть отражающей потребность в самовыражении в экстремальных жизненных обстоятельствах, основными событиями которых являются факты душевной жизни повествователя, то в конце жизни тон его писем и заметок резко меняется: исчезают пространственные описания, включаются события, свидетелем и творцом которых он непосредственно являлся. В своих дневниках и воспоминаниях Дзержинский, как и любой другой автор дневников, предстает одновременно субъектом и объектом повествования. Однако, если мы будем говорить о градации его образа, степени его явленности, то можем со всей определенностью отметить его абсолютное господство над всеми явлениями и образами.

3. Заключение

Исследовав дневники и письма Дзержинского, мы приходим к выводу, что в его жизни существовал ряд личностных предрасположенностей, которые стали побудительными мотивами на превращение его в последовательного и беспощадного террориста. Среди таких факторов можно выделить следующие:

- агрессивную концепцию внешней среды, чему способствовала его любимая мать, которая считала, что русские желают полякам только зла;
- сверхсосредоточенность на защите своего Я и постоянно агрессивно-оборонительная готовность. (В семье он только один не получил никакого образования и считался неудачником.) В дальнейшем переживание социальной несправедливости у Дзержинского сочетается со склонностью проецировать на общество причины своих неудач;
- переоценка собственной значимости, неустойчивое настроение, стремление избежать социального контроля. Отсюда стремление предстать в облике пророка, попытаться сломать социальные установки общества;
- элементы расщепления личности из-за недостаточной личностной идентичности. Что выражается в создании образов-масок;
- поиск острых ощущений в форме игры со смертью, что вытекает из его подпольной деятельности и постоянных побегов из тюрем.
- социальная изолированность и отчужденность, ощущение нахождения на обочине общества и большая потребность в присоединении к группе, то есть стремление к групповой

идентификации. Отсюда раннее вступление в партию и стремление к коллективной деятельности. Вообще вера в коллективный фактор (революцию, родину, народ, социальную справедливость) является необъемлемой частью мировоззрения террора, ибо исполняет его важнейшую функцию: духовного оправдания и обоснования смертоубийства.

Все перечисленные факторы обуславливают наиболее распространенное эмоциональное состояние террориста — настороженность, которая так характерно для Дзержинского. Феномен настороженности проявляется в постоянной готовности к отражению угрозы нападения, повышенным уровнем бодрствования и концентрацией внимания на малейших изменениях всех, прежде всего физических, параметров окружающей среды (в дневниках бесконечные описания природы и жизни товарищей по тюрьме). Внешне заметная постоянная подозрительность проявляется в непрерывном делении всех окружающих на «своих» и «чужих». При этом «чужой» априорно идентифицируется с отвратительным и чуждым «образом врага» (например, случай с соседкой по тюрьме Ганкой). Любопытно, что при подтверждении того, что «чужой» — на самом деле «свой», характер отношений резко меняется на массивные проявления доверия и открытости (иногда чрезмерные). Это говорит о резкой поляризации эмоций и об эмоциональной лабильности террориста.

Разумеется, приведенные факторы не являются универсальным психологическим профилем личности террориста, но во многом объясняют патологический компонент их отклоняющегося поведения. Каждый террорист — далеко не обязательно параноик и психопат. Наоборот, чаще всего это нормальный человек, нашедший себя на ненормальном пути и потому ставший впоследствии ненормальным.

Литература

1. Балагуров Я. А. Автор «Молодой России» (О Петре Григорьевиче Заичневском) // Вопросы истории. — 1972. — № 7. — 203 с.
2. Пирумова Н. М. Бакунин или С. Нечаев? // Прометей. — 1968. — № 5–178 с.
3. Из справки [одесского губернского жандармского управления] начальнику верховной распорядительной комиссии М. Т. Лорис-Меликову показаниях террориста Г. Гольденберга // Хронос. [Электронный ресурс] URL: <http://>

- www.hrono.ru/dokum/1800dok/18800324gold.html (дата обращения: 18. 11. 2013).
4. *Стариков Н.* От декабристов до моджахедов. — СПб.: Питер Пресс, 2008. — 288 с.
 5. *Плеханов Г. В.* Русский рабочий в революционном движении (По личным воспоминаниям). Соч. 3-е изд. Т. III. — М.; Л.: 1928. — 202 с.
 6. *Лурье В.* Воспоминания [Электронный ресурс] URL: magazines.russ.ru/authors/l/vlure (дата обращения: 18. 11. 2013).
 7. *Заичневский П.* Молодая Россия [Электронный ресурс] URL: <http://revlib.narod.ru/molod.html> (дата обращения: 18. 11. 2013).
 8. Программа «Земли и воли». Май 1878 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/zemvol.htm> (дата обращения: 18. 11. 2013).
 9. *Савинков Б.* Конь бледный [Электронный ресурс] URL: lib.rus.ec/b/81267 (дата обращения: 18. 11. 2013).
 10. *Савинков Б.* То, чего не было [Электронный ресурс] URL: bookmate.com/books/KEDG3i5l (дата обращения: 18. 11. 2013).
 11. О Феликсе Дзержинском: Сборник [Электронный ресурс] URL: readr.ru/sbornik-ofelipse-dzerghinsk.com.html (дата обращения: 18. 11. 2013).
 12. *Дзержинский Ф. Э.* Дневник заключенного. Письма. Автобиография. [Электронный ресурс] URL: fdzerzhinsky.narod.ru/dnevndz.htm (дата обращения: 18. 11. 2013).
 13. *Гуль Р.* Дзержинский. Начало террора / Российский летописец. — М.: Книга 1991 г. — 60 с.
 14. *Дзержинский Ф. Э.* Автобиография. [Электронный ресурс] URL: <http://www.uhlib.ru/istorija/chekisty/p2.php> (дата обращения: 18. 11. 2013).
 15. *Дзержинский Ф. Э.* Побег из Сибири. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rulit.net/books/dnevnik-zaklyuchennogo-pisma-read-95131-8.html> (дата обращения: 18. 11. 2013).
 16. *Рыбаков А.* Роман-воспоминание. М.: Варгиус. — 1997. — 98 с.
 17. Сводка сведений о злодеяниях и беззакониях большевиков. [Электронный ресурс] URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-79901.html?page=16> (дата обращения: 18. 11. 2013).
 18. *Симбирцев И.* ВЧК в денинской России. 1917–1922: В зареве революции. [Электронный ресурс] URL: http://www.plam.ru/hist/vchk_v_leninskoi_rossii_1917_1922_v_zareve_revoljucii/p3.php#metkadoc2 (дата обращения: 18. 11. 2013).
 19. *Назаров Г.* Письмо Дзержинского Ленину. Архивные находки. [Электронный ресурс] URL: http://www.orthomed.ru/ftproot/abort_mr/books/history/articles/nazarov2.htm (дата обращения: 18. 11. 2013).